

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Источник: Пантелеймон Романов. Избранные произведения.

Изд-во "Художественная литература", Москва, 1988.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (<http://belolibrary.imwerden.de>), 20 августа 2002.

I

Лиза Чернышева, красивая тридцатипятилетняя женщина в мехах, артистка одного из лучших театров Москвы, встретила на улице бедно одетого человека, в котором узнала своего прежнего жениха, когда-то сына богатого владельца многих домов, по фамилии Болховитинов.

Встреча эта всколыхнула в ней прошлое, казалось, давно позабытое, и поразила ее восприимчивую душу жестокостью жизни, которая из богатого и в то же время чудесной души человека сделала бездомного, безработного бедняка.

Она взяла с него слово, что он непременно зайдет к ней сегодня.

Придя домой, Лиза Чернышева сказала прислуге Насте:

-- Когда придет господин, по фамилии Болховитинов, впустите его, а для остальных меня сегодня нет дома.

Раздевшись, она прошла в спальню и целый день плакала на диване.

Она плакала от невыразимой, бессильной жалости к человеку, с которым она встречала весну своей жизни, к человеку, когда-то молодому, красивому, нежному, беззаботному и теперь так униженному.

Его фигура в стареньком осеннем пальто, несмотря на сильный мороз, всунутые в рукава руки, покрасневшие от холода, и на ушах суконные наушники -- поразили ее.

В особенности эти наушники.

И она, примирившаяся было с новым строем с того времени, когда получилась возможность жить и одеваться по-прежнему прилично, вдруг опять почувствовала всю бездушную жестокость этого строя, который мог так унижить, так заставить страдать и, в сущности, обречь на медленную смерть людей, виноватых только тем, что они прежде были богаты. Этот строй берет только тех, кто ему нужен.

И нежная душа этого человека с его былым культом Парижа, всегда философски созерцательно настроенного, конечно, не нужна этой жизни, которая выше всего ценит не личность человека, а его полезность. Для нее выше всего хлеб, ситец и грубые мужицкие руки, производящие "необходимые для жизни предметы".

Поистине, человек становится животным с того момента, как только перестает ценить не необходимое, когда он ограничивается только "насущными потребностями".

Во главу угла теперь поставлена "экономическая основа".

Это называется, что они строят жизнь на основах справедливости: сначала одних переморят, как крыс, а среди других разведут справедливость и братские отношения.

Пятнадцать лет тому назад они были вместе в Париже женихом и невестой. Это была ее первая любовь.

И теперь, как дорогое воспоминание, хранятся в ее душе образы далекого Парижа: и красные сквозь деревья бульваров ночные огни Монмартра, и возбужденная сутолока, и раскрытые двери кафе, залитые ярким светом, и ночной блеск нагладившегося, как зеркало, асфальта, в котором отражаются экипажи, фонари, огни.

Помнит ту нетерпеливую, приподнятую жажду жизни и ощущений, какие рождались от этой всегда возбужденной толпы, от этого ослепляющего света, от завидной доступности женщин.

Помнит она свои именины, 8 августа, и поздний обед в Булонском лесу на островке, в ресторане с разноцветными бумажными фонариками, где они ели огромного лангуста и пили шампанское. А потом переезжали в большой лодке на берег. В этой лодке ехало много народа -- мужчин и женщин, -- и она со смутным, преступным любопытством чувствовала близость чужих мужчин в тесноте лодки. Преступным потому, что то чувство, какое, она думала, может пробуждать в ней один он, шло к ней со всех сторон, а не только от него.

Помнит она прогулки на пароходу по Сене, синюю дымку утренних улиц, цветы на окне своей